

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ГОЛОД 1921 ГОДА В ПОВОЛЖЬЕ: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

С.В. Виноградов
(Россия, г. Астрахань)

В статье рассматриваются причины, масштабы и последствия голода 1922 г., охватившего Россию и, прежде всего, регион Поволжья. Автор называет главной причиной этого бедствия проводимую большевиками политику продразверстки. В статье анализируется проблема иностранной помощи голодающим регионам и, прежде всего, благотворительных организаций США.

Ключевые слова: голод, Поволжье, крестьяне, урожай, хлеб, разруха, помощь, губерния.

The article views the reasons, scale and consequences of the famine of 1922 that swept Russia and first of all the Volga region. The author considers the Bolsheviks' policy of surplus appropriation system as the main reason for that. The article analyzes the issue of foreign aid to the starving regions and first of all on the part of the USA charitable organizations.

Key-words: famine, the Volga Region, peasants, yield, bread, breakdown, aid, guberniya (province).

Говоря об экономическом положении в Поволжье к началу 1921 г., можно констатировать, что экономика региона находилась в глубоком кризисе. Окончание гражданской войны совпало с кульминацией политики «военного коммунизма», которая подпитывалась ожиданием мировой революции и романтическими иллюзиями «непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению» со стороны руководства РКП(б).

Посевная площадь в регионе в 1922 г. составляла 23,9 % от площади 1913 г. поголовье скота в 1920 г. сократилось на 58,3 % от уровня 1913 г. [24, с. 44]. Только за год с осени 1919 г. по осень 1920 г. количество рабочих лошадей сократилось в Самарской губернии на 73440 голов. В прямой связи с этим находилось сокращение озимых посевов. Так в Самарской губернии в 1920 г. по сравнению с 1919 г. озимые сократились на 47,1 % [2, с. 28–29]. Посевные площади Саратовской губернии в 1920 г. сократились по сравнению с 1914 г. на 30 % [25, с. 19]. Крестьянские хозяйства испытывали острую нехватку сельскохозяйственных орудий. Сложных сельскохозяйственных машин почти не осталось. Так, на 15 мая 1921 г. в РСФСР было зарегистрировано 1312 тракторов, из них на ходу – 824. В губерниях Поволжья тракторы на ходу остались вообще в единичном количестве. В Симбирской губернии их было всего 9, а Пензе – 8 [27, с. 73].

Импорт инвентаря и машин, от которого так зависело сельское хозяйство Поволжья, прекратился еще с начала Первой мировой войны, а отечественное производство в условиях Мировой войны и социальных потрясений 1917–1920 гг. практически прекратилось. В Симбирской губернии в 1921 г. числилось всего 50 тыс. плугов, что составляло всего 72 % от уровня 1917 г. Многие крестьянские хозяйства вынуждены были перейти на патриархальные сохи, которых насчитывалось около 200 тыс.

Плюс ко всему прочему периодические неурожай. Засушливое лето 1920 г. создало в Поволжье угрожающую обстановку. В Самарской губернии, например, валовой урожай зерновых, уменьшился со 146,4 млн пудов в 1913 г. до 20,1 млн пудов в 1920 г. [33, с. 155]. Урожай 1920 г. в Самарской губернии был меньше того количества хлеба, которое было вывезено по продразверстке в 1918–1919 гг. В Царицынской губернии урожай 1920 г. составил всего 4 пуда на одного жителя [4, с. 48]. Это было мало, но кто мог знать, что это всего лишь пролог к более страшной трагедии – засухе 1921 г.

Крупные заводы Поволжья бездействовали из-за недостатка топлива и сырья, прекращения военных заказов, развала транспорта. На заводах отсутствовал технический персонал и квалифицированные рабочие. Из 523 национализированных пред-

приятый более половины вышли из строя [34, с. 30]. Крупнейший в регионе металлургический завод (бывший Дюмо) в Царицыне, по сравнению с 1913 г., сократил свое производство в 60 раз, выплавив в 1920 г. всего 2226 т [35, л. 83]. На Самарском трубочном заводе число рабочих в 1921 г. сократилось с 28 тыс. до нескольких сот человек. Завод фактически был законсервирован.

Помимо разрухи на железнодорожном транспорте, острый недостаток фуража привел к сокращению гужевого транспорта в регионе [31, с. 489]. Это сказывалось на заготовке дров и других перевозок. В связи с отсутствием сельскохозяйственного сырья резко сократилось производство пищевой, текстильной, кожевенной промышленности. Только перечисление бездействующих предприятий могло бы занять целые страницы.

Жизненный уровень рабочих государственных предприятий упал по сравнению с 1913 г. втрое [21, с. 186]. В эти годы они так и не стали хозяевами производства, как это декларировалось в 1917 г. «Уравниловка» порождала безразличие к работе, что сказывалось на состоянии дисциплины и культуре производства. Орган Саратовского губкома РКП(б) «Саратовские известия» от 2 апреля 1921 г. публикует подробный отчет о посещении своим корреспондентом одного из саратовских предприятий – фуражечной мастерской № 1 отдела утилизации СНХ. Мастерская работала до 17.30.

В 17.30 корреспондент газеты застал всего 10–12 человек вместо 60 числившихся. Оказывается, остальные воспользовались бесплатными билетами, распространявшимися по линии профсоюза, ушли в театр на час раньше с работы. Производительность труда в мастерской крайне низка. Один из рабочих прямо заявил, что ему нет смысла торопиться за 5–6 тыс. руб. в месяц. И, что его заставляют работать в мастерской те остатки ниток и мануфактуры, какие он имеет, работая на фабрике, и которые по рыночным ценам за месяц составляют приличную сумму в 50–60 тыс. руб. Таким образом, рабочий государственного предприятия работал 7–8 часов спустя рукава с тем, чтобы вечером работать дома 5–6 часов на себя [32]. Такое же положение было и на других предприятиях Поволжья [7, л. 11].

В критическом положении находилась одна из важнейших отраслей края – рыбная промышленность. До Первой мировой войны она занимала ведущее положение во всей рыбодобыче страны. Рыбные предприятия губернии производили до 34 % рыбопродуктов, вырабатываемых в России, а удельный вес губернской добычи рыбы в мировом уровне доходил до 6 %. В губернии насчитывалось около 900 различных рыбопромышленных предприятий и 1250 действующих промыслов. В 1914 г. был рекордный улов рыбы, составивший 290322 т [5, с. 41]. В том же году в рыбной промышленности края, сосредоточившейся в основном в Астраханской губернии, было занято около 12000 человек. Мировая война тяжело ударила по рыбной промышленности края. В 1916 г. общий улов рыбы в Нижнем Поволжье упал до 178000 т [16, с. 18].

К концу 1919 г. вся рыбная промышленность была национализирована и сосредоточена в руках единого государственного органа – Областного Волго-Каспийского управления. Многочисленные рыбопромышленные фирмы были закрыты, частная торговля рыбой запрещалась, ловцы были обложены продразверсткой, на рыбных промыслах были введены институты политкомов и троек. Однако проводимые «военно-коммунистические» меры не приносили и не могли принести желаемых результатов. В 1919 г. улов составил 153 тыс. т., в 1920 г. – 113 тыс. т. Это был уровень 1860-х гг. [24, с. 44].

Весной 1922 г. Ихтиологической лабораторией Астрахани было проведено экономическое обследование 26 ловецких сел в низовьях Волги. Яркой иллюстрацией падения ловецкого хозяйства может служить некогда богатое морское село Логань. По данным обследования, в 1914 г. село насчитывало 397 дворов и 2300 жителей. В 1921 г. осталось 314 дворов и 1500 жителей. В 1914 г. из 397 дворов исключительно ловецким делом занималось 320 дворов, т.е. 80,7 %. В 1921 г. из 314 дворов ловецких осталось 122 или 38,3 %. 11 дворов или 3,5 % стали заниматься сельским хозяйством, которым прежде в селе не занимались. Данные красноречиво свидетельствуют об упадке ловецкого хозяйства.

В других селах по данным того же исследования наблюдалась аналогичная картина. По 25 дельтовым селам общее количество ловцов сократилось в 3,1 раза, а морских ловцов (приносящих наибольший улов) – в 10 раз [22, с. 32]. Переход основной массы морских ловцов к менее продуктивному речному улову также свидетельствовал об упадке ловецкого хозяйства, ибо более выгодный морской промысел рыбы мог позволить себе лишь хорошо оснащенный ловец, а в 1921 г. таких практически не было.

В ходе национализации рыбного промысла (1919 г.) ловец был принудительными методами привязан к промыслу. На первой конференции ответработников рыбопромышленности в июле 1919 г. после первой путины государственного рыбного хозяйства отмечалось «развитие ловецкого, т.е. кустарного, промысла добывания сырца с точки зрения государственной экономики невыгодно, что в интересах концентрации и успешного промысла ловец может быть оставлен лишь в море» [22, с. 32]. Подобные заявления со стороны нового руководства Астраханской губернии свидетельствовали о слабой компетенции этих людей в вопросах руководства рыбной промышленностью. Конечно, морской лов был более выгоден. Но морские ловцы для выхода на Каспий должны были быть хорошо оснащены. Между тем, их оснащения и суда за годы Мировой войны, социальных потрясений 1917–1918 гг. пришли в негодность. К 1919 г. не на чем было выходить в море и нечем ловить. Подобные же заявления никак не могли улучшить положение дел, а только усугубляли их.

На речных же промыслах, где было сосредоточено рыболовство в годы гражданской войны, Областное рыбное управление стало организовывать ловцов в объединения, стремясь впоследствии создать из них советские хозяйства. «Действительность показала, – хвастливо заявляло руководство «Областьрыбы» – что политика эта была правильной, т.к. за короткое время все ловцы сорганизовались в объединения, и последние начали приобретать большое влияние на ловецкие массы» [1, с. 80]. Однако эйфория руководителей «Областьрыбы» была преждевременной. Уже через год, летом 1920 г., инициаторы этой компании вынуждены были признать: «Опыт прошлой деятельности Областного управления показал, что то внимание, которое оно уделяло ловцу, далеко недостаточно, благодаря чему создалось положение, при котором морской лов, дававший в нормальное время до 50 % общей добычи рыбы, упал до того, что дает сейчас, несмотря на сокращение общих уловов, до 2–3 %, речной лов тоже сократился до минимума. В путину 1919 г. ловило чуть более 10000 чел., что по сравнению с довоенным временем составляет около 10 %» [22, с. 32].

Серьезный удар по ловецкому хозяйству был нанесен разделением его на три категории по классовому признаку: бедняк, середняк и кулак. Помощь оказывалась, прежде всего, первой категории, т.е. речному ловцу, имевшему убогое снаряжение и дававшему очень мало продукции на рынок. Наиболее мощная же и продуктивная группа морских ловцов, которых посчитали за кулаков, осталась совершенно без помощи. «Вот и вышло – писал один из руководителей советской рыбной промышленности 20-х гг. А.И. Потяев – вовлекли мы только речного ловца (бедняка). А наиболее ценный, дававший половину добычи, и квалифицированный морской ловец остался почти целиком в стороне от нас» [28, с. 140–141].

Местные органы власти не могли решить, к какой социальной группе отнести ловцов, и как к ним относиться: то ли как к рабочим, то ли как к крестьянам единоличникам. «Вопрос о том, кто такие ловцы, должны ли они платить продналог или сдавать всю рыбу государству, вызывал в госорганах бесконечные споры.

Набранные в результате принудительных мобилизаций рабочие промыслов, не имея материальных стимулов, работали плохо. Ужасны были и сами мобилизации. В докладной записке комиссии по проверке проведения мобилизации в Красноярском уезде Астраханской губернии говорилось: «При проведении мобилизаций есть случаи: забирается трудоспособный член семьи и подрывается хозяйство. Страшно тормозит мобилизацию враждебное отношение к ней населения. Нет обуви, нет одежды, хлеба» – вот вопль мобилизованных. Подорвала доверие к мобилизации анархическая мобилизация прошлого года (1920 г. – С.В.): невыплата частным лицам жалования за прошлый год и не выдача обещанной мануфактуры. ...Особенно не хо-

тят идти на промысл те, кто уже там побывал. «Мы были, пусть другие пойдут» – вот их общая просьба. Скверно отражается на психологии масс отправление мобилизованных. Часто они сидят на станции в ожидании поезда 2–3 дня. Товарный поезд идет с ними крайне медленно. От станции Верблюжье до Астрахани – 15 часов езды, а они едут три дня» [12, л. 36–36а].

На водный транспорт рабочая сила также привлекалась путем трудмобилизации. Производительность труда здесь также была крайне низкой. В письме Саратовского Райкомпуьдезертир на водных путях к участковым уполномоченным говорится: «Трудовое дезертирство среди водников развивается несмотря на работу специального органа по борьбе с этим злом. Значительное количество дезертиров дает молодежь» [38, л. 12].

Посмотрим, как оценивали сложившуюся хозяйственную ситуацию и выходы из нее местные партийные руководители того времени. В этом отношении показательна, на наш взгляд, дискуссия на Восьмой пензенской губпартконференции в декабре 1920 г. Докладчик Е. Фридрихсон указал на плохую постановку контроля, на неудовлетворительную работу отделов Рабкрина. Он сказал, что «когда будет больше планомерности в ведении хозяйства, когда будет создан единый хозяйственный план, контроль будет легче осуществлять» [7, л. 9].

В прениях по этому вопросу делегат Гусев указал на беспорядки, «царящие во многих наших учреждениях. Многие квалифицированные рабочие работают не по своей специальности» [7, л. 10]. Делегат Шереметев предложил «наряду с созданием единого хозяйственного плана, следует усилить работу административных органов, чтобы они могли подталкивать работу производящих отделов» [7, л. 11]. Делегат Яковлев считал, что главная причина бюрократизма – «это то, что посылаемые в учреждения работники задерживаются там и бюрократичаются» [7, л. 11]. В выступлении делегата Комлева прозвучала следующая мысль: «Работа по составлению единого хозяйственного плана очень трудная и что Центру необходимо будет давать местам в этом деле больше указаний» [7, л. 12]. Как видно из этих выступлений, местные руководители мыслили исключительно категориями военного времени, которые переносили в мирную жизнь: «Мы должны учесть ударные группы, снабдить их необходимыми силами и средствами, учесть и материалы, и живую силу. Нужно усилить уездные и волостные аппараты. О пополнении мастерских работниками и улучшении их быта, туда нужно поставить коммунистический глаз» – это не разработка военной операции, а выступление одного из делегатов X Пензенской губернской партийной конференции (февраль 1921 г.) [9, л. 15].

Ответственный секретарь Саратовского губкома РКП(б) Мартынов на заседании Совета, отвечая на вопросы, заявил: «...записки говорят о необходимости снять военное положение «чтобы дать рабочему подышать свежим воздухом».

– Кто думает о том, чтобы подышать свежим воздухом? Думает об этом рабочий?

– Нет. Так можно снять военное положение?

– Нет, ни в коем случае (раздается из зала)» [47, л. 131]. Подобные ораторы только злили людей своей демагогией, накаляя и без того сложную обстановку.

«Военнокоммунистическое» мышление продолжало в этом вопросе здравствовать и после X съезда РКП(б). Так, в телеграмме губкомам РКП(б) от 21 апреля 1921 г., подписанной Секретарем ЦК В.М. Молотовым и Председателем ВЦСПС М.П. Томским, обращалось внимание местных органов власти на следующие проблемы: «В связи с ликвидацией фронтов и перенесением центра тяжести на фронт хозяйственный, особое внимание должны привлечь вопросы рационального использования рабочей силы. В частности дезертирство – язва военного фронта – не менее губительно отзывается на фронте трудовом и нужно серьезное напряжение для ее ликвидации. ЦК РКП(б) и ВЦСПС предлагает всем парткомам и профсоветам оказать максимальную поддержку реорганизуемым комиссиям по борьбе с трудовым дезертирством. Необходимо развить энергичную кампанию против труддезертирства на заводах и в деревне» [8, л. 38].

Как происходила борьба с трудовым дезертирством видно из следующего случая, приведенного газетой «Коммунист». Служащий пожарной охраны В. Меденков обратился в редакцию газеты со следующим письмом. «22 декабря 1920 г. я был приговорен Губкомдезертиром к 10 дням принудительных работ. 31 декабря я был послан со своим сослуживцем Васюкиным (тоже приговоренным) на Волгу за дровами. С утра мы ездили на мельницу за кормом для лошадей и не успели поесть. Мы привезли полсажени дров, как и было приказано, в дом (бывший Дворецкого) около московской аптеки. Кто там живет, я не знал. Свалили дрова, хотели ехать. Вдруг выходит какая-то женщина и приказывает дрова таскать в сени. Я ответил: время 3 часа, а мы еще не ели. «Можете таскать сами, нынче господ нет». Женщина обиделась и ушла. Вместо нее вышел мужчина и спросил, кто это говорит, что господ нет. Я назвал свою фамилию. И едва потом, все-таки перетаскавши дрова, я приехал в Губземдезертир, как меня посадили в подвал, где я просидел на льду с 4-х часов дня до 8 часов утра следующего дня. После этого я до сих пор сижу, как очумелый. Ноги ведет судорогой.

Человек, которому я возил дрова, и с которым я поспорил о господах оказался председателем Губкомдезертира Шибаевым. Шибаев – человек партийный» [19].

Настроение у некоторой части руководителей стало меняться только после голодной катастрофы 1921 г. В докладной записке представителя Наркомтруда, прибывшего в Астрахань летом 1921 г. на агитпароходе «Красная Звезда», ставились под сомнение выгодность и необходимость подневольного труда мобилизованных и предлагалось «в основу привлечения потребной для рыбной промышленности рабочей силы, необходимо положить материальную заинтересованность привлекаемых». Далее в записке констатируется, что «рабочая сила на промыслы может привлекаться путем вольного найма» [12, л. 39]. Председатель «Главрыбы» А.И. Потяев в докладе на Президиуме Астраханского Губкома РКП(б) говорил: «С наступлением каждого нового сезона проводить мобилизацию будет все трудней. Интенсифицировать и механизировать промысел, также невозможно пользуясь неквалифицированными рабочими, поэтому единственный выход – создание постоянных рабочих кадров для государственного промысла» [3, л. 3].

Тяжелое материальное положение населения Поволжья усугубил голод 1921 г. Конечно засухи в регионе были периодическим явлением. Но особенностью засухи 1921 г. было то, что это стихийное бедствие наложилось на бедствия социально-экономические и политические – Первая мировая война, революции, гражданская война, продразверстка и т.д. Сельское хозяйство Поволжья было к 1921 г. основательно подорвано. Оно не имело обычного для засушливого периода запаса прочности и потому не смогло выдержать подобное испытание, которое обернулось ужасной трагедией для миллионов жителей Поволжья. По данным профессора Г.И. Баскина голод нанес крестьянскому хозяйству Поволжья удар более страшный, чем гражданская война и революции вместе взятые [3, с. 136]. На прямую связь продразверстки и голода указывает в своем докладе Самарскому губкому РКП(б) председатель губисполкома Сокольский 2 июля 1921 г.: «У крестьян отсутствуют какие-либо запасы хлеба. Дошли до такого состояния своим стремлением удовлетворить требования центра на максимальное выполнение разверстки. Во имя выполнения интересов республики шли на жертвы интересами губернии ... Попытки протестовать перед центром не увенчались успехом. Центр указал на необходимость продолжать разверстку, чего бы это ни стоило. При таком положении вещей предстоящая продовольственная работа могла бы быть названа не продкампанией, а продвойной. Соответственно пришлось строить аппарат. Губпродсовещания – создавать при нем продовольственную армию из коммунистических и других частей» [47, л. 131]. Подобное положение складывалось и в других губерниях Поволжья. Так в докладе Пензенского губпродкома за февраль 1921 г. сообщалось: «На 20 февраля 1921 г. разверстка на хлебные зерновые продукты в Пензенской губернии выполнена на 100 %» [9, л. 14].

Угроза засухи стала очевидной еще ранней весной 1921 г. Но в полной мере размеры бедствия, постигшего страну, стали ясны в июне 1921 г. Они по

эмоциональной оценке «Правды» (передовая статья «Голод в Поволжье и меры помощи») превышали голод 1891 г. Засуха и голод поразили основные зерновые регионы страны: Поволжье, Северный Кавказ, юг Украины. На этих территориях жило свыше 30 млн человек. Но больше всех от засухи пострадало Поволжье.

31 мая на закрытом заседании пленума Самарского губкома партии совместно с президиумом губисполкома были оглашены данные о катастрофическом положении с продовольствием в губернии. К этому времени погибло уже 50 % озимых хлебов, а в южных районах губернии появились саранча и гусиницы, уничтожившие остатки урожая [46, л. 35]. Но партийные руководители губернии еще не представляли в мае насколько плохо обстоят дела. Их пока отвлекает «возня» в профсоюзной дискуссии и другие «важные дела».

Между тем урожай 1921 г. по Самарской губернии составил всего 2,7 млн пудов хлеба. Его могло хватить всего лишь на 1–2 мес. Только на питание населения и семена на следующий год требовалось около 70 млн пудов [23, с. 464]. Спасаясь от голода, крестьяне начали массовый убой рабочего и молочного скота. К концу 1921 г. поголовье сократилось на 54 %, в том числе овец – на 69 %, свиней – на 76 % и т.д. [18, с. 18–19].

Непростым было положение и в других губерниях Поволжья. Но даже на этом фоне выделяется ситуация в Саратовской губернии. Здесь 40 % населения из 2,9 млн в середине 1921 г. голодало [42, л. 59]. С момента обострения продовольственного положения в Саратовской губернии в губком РКП(б) регулярно поступали сводки о количестве хлеба, имеющегося на ссыпных пунктах, а также находящегося в пути на железнодорожном и водном транспорте. 21 июня 1921 г. сообщалось о наличии хлеба на 4 дня и о том, что нет подвоза хлеба. В сводке от 24 июня говорилось о том, что хлеба имеется лишь на 1 день [43, л. 11, 14].

Часть жителей губернии собирала имущество и перебиралась в более урожайные места. Из многих уездов в Саратовский губисполком постоянно шли от местных органов власти призывы о помощи. Так, в постановлении I-ой беспартийной конференции Саратовского уезда говорилось: «Возбудить ходатайство перед кем следует об отмене всех продналогов, ввиду того, что уезд в этом году постиг полный неурожай и крестьяне находятся в самом тяжелом положении, в смысле продовольствия, питаются корой и разными травами. Почему одновременно просить принятия срочных мер к доставке населению уезда продовольствия, а также фуража для скота» [43, л. 2].

В степном Заволжье, в Покровском и Дергачевском уездах количество голодающих достигало 90 % [26, л. 154]. В Покровском уезде урожай всех культур пропал на 95 %. Старых запасов продовольствия в уезде практически не оставалось, так как они были изъяты продразверсткой. Почти весь домашний скот был вырезан. В уезде постоянно росла смертность от голода. В Покровске в начале июля 1921 г. в день от голода в среднем умирало 1–2 чел., а в августе – 15–20 чел. [37, л. 27]. В Дергачевском уезде Саратовской губернии отмечены были даже случаи людоедства [30, л. 164]. Уезд настолько пострадал от голода и обезлюдил, что только в 1923 г. в нем стало наблюдаться «стремление крестьянства к восстановлению разрушенного голодом хозяйства» [30, л. 66].

В Царицынской губернии в декабре 1921 г. голодало 38000 чел., а в апреле 1922 г. голодающих было уже 80000 чел., что составляло 50 % населения губернии [36, л. 59]. Отсутствие продовольствия привело к тому, что в середине июля 1921 г. большинство предприятий города прекратило работу [6, л. 54].

Только по трем наиболее пострадавшим от засухи губерниям Поволжья количество голодавшего населения характеризовалось следующими данными в процентах ко всему населению [17, с. 460] (табл.).

Таблица

Количество голодавшего населения в губерниях Поволжья

Губернии	на 1.01. 1922 г.	на 1.04. 1922 г.	на 1.06. 1922 г.
Самарская	47,9	60,9	68,2
Саратовская	86,1	86,1	86,1
Симбирская	33,2	75,7	76,7

Охваченные паникой, сотни тысяч крестьян уходили из родных мест в другие районы, где можно было хоть как-то прокормиться. Многие ехали на подводах или шли пешком. В докладе Председателя Самарского Губисполкома Сокольского, посетившего в это время Мелекесский и Ставропольский уезды говорилось: «Деревня производит самое удручающее впечатление. Голодные крестьяне бродят по селам и полям, собирая разные суррогаты для еды. Паломничество крестьян в более хлебные места приняло массовый характер» [40, л. 105]. На железнодорожных вокзалах и станциях, на паромных пристанях возникали громадные скопления беженцев. Голодные, ослабленные люди легко поддавались различным инфекциям, вспыхивали эпидемии. Только с июля по ноябрь 1921 г. от голода и болезней в Самарской губернии умерли 14700 чел. [48, с. 38]. И это только по официальным данным.

Несколько легче чем в остальных Поволжских губерниях была ситуация в Астраханской губернии. Астраханцев от голода спасла рыба, потребление которой хоть как-то помогало пережить это трудное время. Но все же и здесь была значительная нехватка продовольствия, и люди голодали.

В Астрахани, начиная с 1921 г., началось сокращение продовольственных пайков для всех категорий населения [20]. Из-за тяжелого продовольственного положения на астраханских предприятиях весной-осенью 1921 г. имели место волнения и забастовки [29, л. 10]. В июле того же года в отчетном докладе на УП Астраханской губпартконференции говорилось, «что неблагополучно в Астраханской губернии с продовольственными товарами... имеющиеся ресурсы являлись настолько ничтожными, что было проведено сознательное сокращение хлебного пайка» [11, л. 49].

В этих критических условиях часть руководителей не сумели обеспечить нормальную работу своих организаций и учреждений. Так председатель Самарского губисполкома Сокольский, посетивший в июне 1921 г. Мелекесский и Ставропольский уезды, докладывал на заседании бюро губкома РКП(б): «...Аппараты в уездах расхлябаны. Чувствуется растерянность среди работников. Работа кооперации по созданию товарного фонда идет слабо. Среди аппарата кооперации чувствуется растерянность» [40, л. 105]. 2 июня 1921 г. тот же Сокольский докладывал на бюро обстановку в Пугачевском уезде: «Хозяйственное положение крайне тяжелое. Виды на урожай самые плохие. Работа кооперации и Советских органов развалилась» [39, л. 109]. В письме ЦК от 25 августа 1921 г. говорилось, что «наблюдаются случаи самовольного отъезда ответственных работников без ведома и разрешения парткомитетов из Самарской и Оренбургской губерний, отчасти в других губерниях, охваченных голодом, в иные губернии, преимущественно в Туркестан» [41, л. 17]. На VIII Астраханской губпартконференции ответственный секретарь контрольной комиссии сообщал коммунистам: «23 августа 1921 г. члены губкома – 15 человек, а затем и остальные члены губкома и губисполкома выдали себе по 2 пуда муки. Тогда в это дело вмешалась Контрольная комиссия в лице своего секретаря, указывая, "что такие выдачи, особенно теперь во время голода в высшей степени не этичны". В секретном порядке было решено выдать и остальным членам губкома (не получившим еще), в том числе членам Контрольной комиссии, такой же паек дополнительно за молчание, и выдали месяц спустя, правда немного меньше, но выдали и молчат...» [10, л. 37]. На 12-й Саратовской губпартконференции в марте 1922 г. говорилось: «Несмотря на поредение населения, Комитету помощи голодающим не удастся удовлетворить хотя бы частично всех голодающих» [15, л. 59]. В докладе о деятельности кооперации на том же форуме констатировалось: «Организован отдел общественного питания, но ввиду отсутствия как денежных, так и продовольственных ресурсов столовых пока нет» [15, л. 82].

Растерянность и хаос среди ответственных работников голодающих губерний усугубляла позиция Центра. Так, на объединенном заседании Самарского губкома РКП(б) и губисполкома 6 июня 1921 г. отмечалось: «Общее положение таково: Центр предоставляет полную инициативу местам в изыскании средств прокормления. Центр из госзапасов ничем помочь не может» [39, л. 113].

Определенную помощь голодающим губерниям оказали международные благотворительные организации, в первую очередь американская организация «АРА» (ARA:

"American Relief Administration" («Американская администрация помощи»)). АРА была создана в США в конце Первой мировой войны. Ее основателем и бессменным руководителем являлся тогдашний министр торговли Г. Гувер. В состав АРА входило несколько благотворительных организаций: американско-еврейский комитет помощи («Джойнт»), Всемирный лютеранский союз, Христианский союз молодежи, Объединение католических благотворительных обществ, Союз меннонитов, Союз баптистов. Организация ставила своей целью оказание продовольственной и иной помощи гражданам европейских государств, пострадавших от последствий войны.

В Астрахани основной деятельностью «АРА» была организация столовых для голодающих, прежде всего детей. Помимо этого «АРА» взялась помочь детдому ГубОНО, а также организации еще нескольких детдомов, где ослабленных детей подкармливали специальным «африканским питанием» [11, л. 49]. В городе на «американское довольство» было переведено 10 больниц. К 25 марта 1922 г. в Астрахани было открыто 27 столовых «АРА», в которых кормились дети [14, л. 52].

«Серьезную помощь оказали заграничные благотворительные организации «АРА» и «МСПД», – говорилось в отчетном докладе Саратовского губкома РКП(б) 13-й губпартконференции (октябрь 1922 г.) – за март-август они распределили 575161 т продовольствия и кормили: АРА – 721 тыс. чел., МСПД – 446 тыс. душ» [42, л. 56].

Отношения местных властей, да и части населения с заграничными благотворительными организациями осложнялись обостренным после недавней гражданской войны классовым восприятием окружающего мира. В сотрудниках «АРА» и других благотворительных организаций, оказывающих значительную помощь голодающим, видели представителей враждебного буржуазного мира. «При оценке работ с заграничными миссиями, – говорилось на 13 Саратовской губпартконференции, – необходимо не забывать, что здесь примешивается огромный процент политики. Цель же этих деятелей, помимо филантропии, дискредитировать Советскую власть в глазах всего населения. Надо этого не допустить, но так, чтобы это не отразилось на желудках крестьян. И губком этого добился» [42, л. 56].

О сохранении классовой бдительности в работе с иностранными благотворительными организациями предупреждал в своих письмах ЦК РКП(б): «Советские органы на местах должны оказывать поддержку деловым мероприятиям этих организаций. В то же время неуклонно вести наблюдение за всей его деятельностью, для чего необходимо поставить перед ними как первое условие отчеты их перед исполкомами. В части, касающейся агитационной деятельности местных комитетов, нужно предварительно ознакомиться с содержанием подлежащих печати воззваний, статей и т.п. Для предупреждения каких бы то ни было выступлений политического характера, всем партийным силам надлежит усилить агитационную работу среди населения против темных элементов, желающих использовать голод и борьбу с ним для своих целей.

При формировании местных комитетов необходимо проводить такую линию, чтобы зарубежные благотворительные организации концентрировались бы в одном месте. Никакими гарантиями неприкосновенности работники этих организаций не пользуются. ЧК уже посланы соответствующие инструкции об усилении бдительности» [8, л. 39]. Деятельность иностранных благотворительных организаций продолжалась в Поволжье до августа 1923 г. Задачу свою они выполнили – сотни тысяч людей в регионе, благодаря иностранной помощи, были спасены от голодной смерти.

Голод 1921–1922 гг. был вызван сочетанием природных явлений (засуха, неурожай) и социально-экономических факторов (ослабление крестьянского хозяйства за годы войн и революций, политика продразверстки). Голод разразился на фоне продолжающихся крестьянских восстаний и ожесточенной борьбы внутри РКП(б) (профсоюзная дискуссия), в этих условиях власти далеко не сразу оценили грозящую катастрофу, что еще больше усугубило положение.

Ослабленное войной государство не могло оказать помощь, адекватную ситуации, населению голодных губерний. Местные органы власти не сумели по-хозяйски распорядиться теми небольшими ресурсами, которые имелись в их распоряжении и наладить эффективную поддержку голодающим. Помощь иностранных благотвори-

тельных организаций хоть и была полезной, но не могла существенно изменить обстановку в силу масштабности катастрофы, к тому же в условиях только что закончившейся гражданской войны и иностранной интервенции их деятельность вызывала подозрительность и неприязнь властей. Последствия голода 1921 г. длительное время сказывались на экономической ситуации в регионе.

Список литературы

1. *Астраханское* рыболовство. – 1920. – № 2–3. – С. 80.
2. *Баскин, Г. И.* Сборник избранных трудов по Самарской губернии / Г. И. Баскин. – Самара, 1925 г. – Вып. 1. – С. 28–29.
3. *Баскин, Г. И.* Современная дифференциация и современные типы крестьянских хозяйств / Г. И. Баскин // *Вестник Среднего Поволжья*. – 1926. – № 1. – С. 136.
4. *Бромберг, Н. Я.* Работа Сталинградской коммунистической организации по восстановлению народного хозяйства после гражданской войны (1921–1925) / Н. Я. Бромберг // *Из истории Сталинградской партийной организации* : сб. – Сталинград, 1958. – С. 48.
5. *Гавриков, Э. Д.* Экспроприация рыбопромышленной буржуазии Астрахани. Ученые записки Астраханского пед. института / Э. Д. Гавриков. – Астрахань, 1953. – С. 41. – Т. 3.
6. *Государственный* архив Волгоградской области. Ф. 37. Оп. 3. Д. 151. Л. 54.
7. *Государственный* архив Пензенской области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 195. Л. 9, 10, 11, 12.
8. *ГАПО*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 295. Л. 38, 39.
9. *ГАПО*. Ф. 36. Оп. 1. Д. 00. Л. 14, 15.
10. *Государственный* архив современной документации Астраханской области Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.
11. *ГАСДАО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. Л. 49.
12. *ГАСДАО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 36–36а., 39.
13. *ГАСДАО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
14. *ГАСДАО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94. Л. 49, 52.
15. *ГАСДАО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 795. Л. 59, 82.
16. *Известия* Астраханского губернского комитета РКП(б). Таким образом, переход к нэпу был выстрадан страной. Альтернативой ему был бы новый виток гражданской войны. Именно эта угроза и заставила руководство РКП(б) во главе с В.И. Лениным пойти на изменение курса. – 1921. – № 2. – С. 18.
17. *Итоги* борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : Сб. статей и отчетов. – М., 1922. – С. 460.
18. *Книга* о голоде. – Самара, 1922. – С. 18–19.
19. *Коммунист*. – 1921. – 19 января.
20. *Коммунист*. – 1921. – 27 марта.
21. *Крицман, Л.* Героический период русской революции. Изд. 2-е / Л. Крицман. – М. – Л., 1926. – С. 186.
22. *Наш Край*. – 1925. – № 1. – С. 32.
23. *Наякшин, К. Я.* Очерки истории Куйбышевской области / К. Я. Наякшин. – Куйбышев, 1962. – С. 464.
24. *Нижнее Поволжье*. – 1927. – № 10. – С. 44.
25. *Отчет* Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. – Саратов, 1921 г. – С. 19.
26. *Очерки* истории Саратовской организации КПСС. (1918–1937). – Саратов, 1965. – Ч. 2. – С. 154.
27. *Поляков, Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство / Ю. А. Поляков. – М., 1967. – С. 73.
28. *Потяев, А. И.* Наша рыбопромышленность и ее нужды / А. И. Потяев. – М., 1921. – С. 140–141.
29. *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 13. Д. 53. Л. 10.
30. *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 14. Д. 659. Л. 64, 66.
31. *Самарская* губерния в годы гражданской войны. Документы и материалы. – Куйбышев, 1957. – С. 489.
32. *Саратовские* известия. – 1921. – 2 апреля.
33. *Сборник* статистических сведений по Самарской губернии. – Самара, 1924. – Вып. 1. – С. 155.
34. *Советское* строительство. – 1922. – № 1. – С. 30.
35. *Центр* документов новейшей истории Волгоградской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.
36. *ЦДНИ* ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 59.

37. *Центр* документов новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 2. Д. 5. Л. 27.
38. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 87. Л. 12.
39. *ЦДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 109, 113.
40. *ЦДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 105.
41. *ЦДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 17.
42. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 796. Л. 26, 59.
43. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 66. Л. 11, 14.
44. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 420. Л. 2.
45. *Центр* документов новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 294. Л. 24.
46. *Центр* хранения документов новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444. Л. 35.
47. *ЦХДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 131.
48. *IX Всероссийский съезд Советов*. Стенографический отчет. – М., 1922. – С. 38.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ в 1920-х гг.

Ю.А. Яхутль
(Россия, г. Краснодар)

В статье выявлены социальные, демографические и социокультурные факторы развития региональной политической культуры казаков Юга России в 1920-х гг. Установлена фрагментация данной культуры по отношению к государственной политике.

Ключевые слова: региональная политическая культура, казачество, Юг России, 1920-е гг.

The article reveals the social, demographic and socio-cultural factors in development of regional political culture of the cossacks of Southern Russia in 1920-s. Installed fragmentation of this culture in relation to state policy.

Key words: regional political culture, the cossacks, South Russia, 1920-s.

Своеобразие структур сознания российского общества 1920-х гг. можно установить, анализируя систему ориентаций политической культуры. Региональная политическая культура является сложной системой, «мозаичность» которой возрастает в пограничных зонах цивилизаций и государств. Подсистемы региональной культуры могут формироваться по территориальному признаку (городская и сельская); по религии и этничности; по профессиональной и сословной принадлежности; по давности проживания в сообществе. Существенными признаками субкультуры социальных и этнических общностей можно считать: понимание общественного идеала; отношение к государственной системе и практике ее функционирования; степень удовлетворенности жизненным положением; выдвигаемые требования, формы и способы активности.

Цель статьи – выявить социальные, демографические и социокультурные факторы развития региональной политической культуры казаков Юга России в 1920-х гг. Потребуется установить фрагментацию ориентаций и установок культуры казачества по отношению к государственной политике.

Источниковедческую базу составляют: письма земледельцев родственникам-эмигрантам и во властные структуры, информационные сводки органов ОГПУ и РКП(б), этнографические очерки, статистические сведения о выборах в Советы, публикации газет и журналов.

Единицами анализа являются зафиксированные в письменной форме проявления политической культуры: суждения, требования и лозунги, запросы и просьбы, призывы и предупреждения, обещания и заверения, приветствия, постановления общественных объединений. Динамика ориентаций характеризуется изменениями, как круга значимых проблем, так и политических установок на индивидуальном и групповом уровнях.

Особенности источниковедческой базы, позволяющие делать репрезентативные выводы, – регулярная периодичность официальных сводок о политических настроениях и обзоров писем; полнота охвата объекта анализа; высокая оперативность информирования